

Мария Очаковская «Книга предсказанных судеб», отрывок.

Визит к матери

Франция, г. Помар. Наши дни

– Месье, прошу, сделайте несколько шагов назад, если вы не намерены отравить меня вашим одеколоном. Простите, я не запомнила, как вас зовут, – брезгливо поморщившись, Аньес отвела взгляд от незнакомца и обернулась к сыну. – Это что-то новое – обсуждать финансовые вопросы в присутствии посторонних – или я ошибаюсь? Мне казалось, что прежде твои просьбы о материальной помощи не сопровождались публичным аутодафе.

– C’ est alors de la Berezhina¹... – прошептал Филипп и замолчал.

По большому счету он вовсе не рассчитывал на теплый материнский прием и менее всего на немедленный результат от встречи с ней. Наивно было полагать, что Аньес сразу поддастся его уговорам. Он предполагал, он знал наверное, что разговор предстоит тяжелейший, но попробовать стоило. Rien ‘a faire.² И где-то глубоко, в самом потаенном уголке его души все же теплилась последняя надежда. Филипп также полагал, что, явившись к ней со спутником, несколько собьет мать с толку. И она выслушает его, пусть не сразу, неохотно, с едкими замечаниями, но выслушает... А уж он постарается, чтоб история прозвучала. Он расскажет ей о своем отчаянном положении, о разрушенной жизни, он сумеет... и тогда мать, возможно, проникнется его болью, испугается, сердце ее смягчится, и она уступит. Так уже бывало, и не раз.

Но сегодня блеснуть ораторским искусством Филиппу не пришлось – Аньес не стала его слушать.

А когда в разговор попытался вступить приехавший вместе с сыном незнакомец сомнительного вида, который к тому же скверно и с сильным акцентом говорил по-французски, графиня, обдав просителей холодом, просто поднялась со своего кресла, давая понять, что беседа окончена.

– К счастью, я не имею к этому более никакого отношения, – сказала она и, улыбнувшись, прибавила: – Думаю, тебе и твоему висельнику уже пора.

Висельник не обиделся – в лексическом минимуме у него не имелось такого слова – и вышел.

Филипп медлил. Он как будто еще не осознал, отказывался поверить в то, что на этот раз ничего не добьется от матери, что она больше не даст ему денег. На короткий миг в нем проснулось чувство стыда, но не потому, что он унижался и просил, а потому что ему отказали.

«Хорошо, что Железного Шарля нет рядом, – Филипп почему-то вспомнил о Сорделе, – иначе сцена получилась бы еще более унижительной. Железный Шарль... с его тупой собачьей преданностью... Нелепый привратник, лакей, приемыш».

Одно упоминание о материном воспитатнике вызывало у Филиппа нервную дрожь, почему-то в своей сегодняшней неудаче он винил именно его. Вспомнилась их давняя ссора, произошедшая лет двадцать с лишним назад после похорон отца. Аньес в это время была в Париже, в тот раз она согласилась ему помочь и, продав квартиру на рю де Варэн, погасила долг сына. Тогда Сорделе едва не ударил его: «Я тебя уничтожу! Я тебя уничтожу, если ты снова заставишь ее страдать!» – прошипел он, глядя в глаза Филиппу, и замахнулся. Но не ударил.

«Подумать только, какая многозначительность! Как любит наш Шарль все эти эффектные театральные жесты!»

Очнувшись от мыслей, Филипп услышал голос матери:

¹ Полный провал. Это французское выражение происходит от русского названия реки Березина, при форсировании которой наполеоновские войска потерпели окончательное поражение.

² Делать нечего. Ничего другого не остается.

– Как жаль, что после взятия Бастилии мы лишены возможности вершить суд на своей земле!

Хотя голос Аньес звучал вполне обычно, Филипп заметил, как дрожат ее губы и как трудно ей дышать.

– Я благодарю Бога, что ты теперь не единственный, о ком мне надо заботиться.

– Рад за вас, матушка, – Филипп распахнул стеклянные двери и, пробормотав «до свидания», поспешно вышел из дома.

Возможно, он прибавил еще что-то вроде «прости» – впрочем, в последнее время извинения сыпались из него почти произвольно.

Графиня села в кресло и, откинувшись на спинку, прикрыла глаза рукой.

Почти бегом Филипп преодолел лужайку и, рванув дверь автомобиля, плюхнулся на пассажирское место:

– Зачем? Не понимаю, зачем вы... Кто вас просил влезать! – прошипел он в ярости.

– Неужели нельзя было просто постоять молча! Вы все только испортили!

«Висельник» (это словечко так подходило ему, что Филипп мысленно именно так его и назвал), сидевший за рулем, с безмятежным видом достал пачку сигарет и закурил:

– Не надо так горячиться. Я ж хотел тебе помочь.

– Попрошу мне не тыкать! – сквозь зубы процедил Филипп.

– Ну, хорошо – «вам», только это ничего не меняет.

– Помолчите хоть минуту!

И рой мыслей мгновенно закружил в голове Филиппа:

«Мать сказала, что он теперь не единственный, о ком она будет заботиться, и он знает, кого она имела в виду. Действовать надо быстро. Времени совсем не осталось. Может, все-таки удастся получить отсрочку? Надо просто объяснить им, как он намерен действовать...»

– Думаю, я нашел выход, – все больше и больше воодушевляясь своим планом, сказал Филипп.

Спутник его равнодушно пожал плечами:

– Решаю не я.

– Ладно, поехали, только прошу, откройте пошире окно. Здесь невозможно дышать. Чем вы себя окатили?

– А что? Дорогая вещь, между прочим... – откликнулся водитель и нажал педаль акселератора.

Мощный внедорожник, взметнув в воздух облако серебристой пыли, рванул вперед. Быстро набрав скорость, он пронесся по гаревой дороге через аллею и скрылся за поворотом. Пыль, поднятая джипом, еще не успела осесть, как в ворота въехал старый черный «Ситроен».

Спустя несколько минут перед домом с пакетами в руках показался Шарль. По-хозяйски оглядывая самшитовую изгородь, давно требующую стрижки, он прошел в торец дома к боковой двери, ведущей прямо на кухню.

Вечерние сумерки окутали сад. Воздух наполнился влагой. Последние неяркие лучи закатного солнца, пробежав по оконным стеклам, вспыхнули и погасли.

Шарль разобрал сумки с продуктами и прошел в комнаты. В доме царил полумрак, но свет нигде не горел. Он заглянул в гостиную и окликнул графиню. Обычно в это время она читала. Вот и сейчас она сидела в своем кресле, за спинкой которого едва угадывался ее хрупкий силуэт. На столике рядом с ней стоял не тронутый бокал с виски. Кусочки льда в нем полностью растворились. На другом столе перед диваном стояли еще два бокала, оба были пусты.

«Кто-то заходил? Доктор? Мадам Гренадье? О, тогда немудрено, что Аньес заснула... – Шарль остановился в нерешительности, не стал включать свет. – Может, стоит ее разбудить, она не любит спать на закате...»

В этот момент до него долетел тихий, сдавленный стон. Рывком Сорделе преодолел гостиную и склонился над пожилой дамой.

– Аньес! Что случилось? Что с вами?

Неловко привалившись к подлокотнику, графиня полулежала в кресле, судорожно прижимая к сердцу руки. Пальцы с побелевшими костяшками стискивали ткань блузки так, словно ооченели и не могут разжаться. В глазах ее застыла боль. Пожилая дама увидела Шарля, и ее искаженное в гримасе лицо пришло в движение, губы пошевелились. До Шарля донесся сиплый, чуть слышный шепот:

– Я знала, я знала... ты успеешь, мой мальчик...

– Укол, я сделаю вам укол. Не волнуйтесь, сию минуту, только схожу за коробкой... – быстро заговорил Шарль и собрался бежать за лекарствами.

Они хранились на кухне, в нижнем ящике буфета. Доктор Базен велел их держать наготове – после прошлогоднего приступа Аньес стала жаловаться на сердце. Что ж, на девятом-то десятке... немудрено.

Но графиня жестом остановила его. Подавшись вперед, она с невероятным усилием оторвала правую руку от груди, показала куда-то наверх.

– Не ходи, не надо... – во взгляде ее была мольба.

Не привыкший с ней спорить, Шарль остановился в растерянности, не зная, что предпринять.

– Там, на чердаке, в чулане... сундук из Сан-Мало... под детскими вещами Филиппа... возьми, спаси, отвези малышу Денни, – с трудом договорила она, останавливаясь почти после каждого слова. В груди у нее что-то свистело и булькало.

– Да-да, разумеется, я все сделаю, не волнуйтесь, мам.. – он хотел сказать привычное «madame», но почему-то получилось «maman», он называл ее так в детстве, когда был еще совсем ребенком. – Только сначала я сделаю вам укол, а потом позвоню доктору Базену.

Через минуту Шарль вернулся, держа наготове шприц с лекарством. Склонившись над графиней, он взял ее за руку и уверенно принялся расстегивать манжет ее блузки. Рука Аньес была худой, морщинистой и... безжизненной. Сорделе понял, что опоздал.

Визит к матери

Франция, г. Помар. Наши дни

– Месье, прошу, сделайте несколько шагов назад, если вы не намерены отравить меня вашим одеколоном. Простите, я не запомнила, как вас зовут, – брезгливо поморщившись, Аньес отвела взгляд от незнакомца и обернулась к сыну. – Это что-то новое – обсуждать финансовые вопросы в присутствии посторонних – или я ошибаюсь? Мне казалось, что прежде твои просьбы о материальной помощи не сопровождалась публичным аутодафе.

– C' est alors de la Berezina³... – прошептал Филипп и замолчал.

По большому счету он вовсе не рассчитывал на теплый материнский прием и менее всего на немедленный результат от встречи с ней. Наивно было полагать, что Аньес сразу поддастся его уговорам. Он предполагал, он знал наверное, что разговор предстоит тяжелейший, но попробовать стоило. Rien 'a faire.⁴ И где-то глубоко, в самом потаенном уголке его души все же теплилась последняя надежда. Филипп также полагал, что, явившись к ней со спутником, несколько собьет мать с толку. И она выслушает его, пусть не сразу, неохотно, с едкими замечаниями, но выслушает... А уж он постарается, чтоб

³ Полный провал. Это французское выражение происходит от русского названия реки Березина, при форсировании которой наполеоновские войска потерпели окончательное поражение.

⁴ Делать нечего. Ничего другого не остается.

история прозвучала. Он расскажет ей о своем отчаянном положении, о разрушенной жизни, он сумеет... и тогда мать, возможно, проникнется его болью, испугается, сердце ее смягчится, и она уступит. Так уже бывало, и не раз.

Но сегодня блеснуть ораторским искусством Филиппу не пришлось – Аньес не стала его слушать.

А когда в разговор попытался вступить приехавший вместе с сыном незнакомец сомнительного вида, который к тому же скверно и с сильным акцентом говорил по-французски, графиня, обдав просителей холодом, просто поднялась со своего кресла, давая понять, что беседа окончена.

– К счастью, я не имею к этому более никакого отношения, – сказала она и, улыбнувшись, прибавила: – Думаю, тебе и твоему висельнику уже пора.

Висельник не обиделся – в лексическом минимуме у него не имелось такого слова – и вышел.

Филипп медлил. Он как будто еще не осознал, отказывался поверить в то, что на этот раз ничего не добьется от матери, что она больше не даст ему денег. На короткий миг в нем проснулось чувство стыда, но не потому, что он унижался и просил, а потому что ему отказали.

«Хорошо, что Железного Шарля нет рядом, – Филипп почему-то вспомнил о Сорделе, – иначе сцена получилась бы еще более унижительной. Железный Шарль... с его тупой собачьей преданностью... Нелепый привратник, лакей, приемыш».

Одно упоминание о материном воспитаннике вызывало у Филиппа нервную дрожь, почему-то в своей сегодняшней неудаче он винил именно его. Вспомнилась их давняя ссора, произошедшая лет двадцать с лишним назад после похорон отца. Аньес в это время была в Париже, в тот раз она согласилась ему помочь и, продав квартиру на рю де Варэн, погасила долг сына. Тогда Сорделе едва не ударил его: «Я тебя уничтожу! Я тебя уничтожу, если ты снова заставишь ее страдать!» – прошипел он, глядя в глаза Филиппу, и замахнулся. Но не ударил.

«Подумать только, какая многозначительность! Как любит наш Шарль все эти эффектные театральные жесты!»

Очнувшись от мыслей, Филипп услышал голос матери:

– Как жаль, что после взятия Бастилии мы лишены возможности вершить суд на своей земле!

Хотя голос Аньес звучал вполне обычно, Филипп заметил, как дрожат ее губы и как трудно ей дышать.

– Я благодарю Бога, что ты теперь не единственный, о ком мне надо заботиться.

– Рад за вас, матушка, – Филипп распахнул стеклянные двери и, пробормотав «до свидания», поспешно вышел из дома.

Возможно, он прибавил еще что-то вроде «прости» – впрочем, в последнее время извинения сыпались из него почти произвольно.

Графиня села в кресло и, откинувшись на спинку, прикрыла глаза рукой.

Почти бегом Филипп преодолел лужайку и, рванув дверь автомобиля, плюхнулся на пассажирское место:

– Зачем? Не понимаю, зачем вы... Кто вас просил влезать! – прошипел он в ярости. – Неужели нельзя было просто постоять молча! Вы все только испортили!

«Висельник» (это словечко так подходило ему, что Филипп мысленно именно так его и назвал), сидевший за рулем, с безмятежным видом достал пачку сигарет и закурил:

– Не надо так горячиться. Я ж хотел тебе помочь.

– Попрошу мне не тыкать! – сквозь зубы процедил Филипп.

– Ну, хорошо – «вам», только это ничего не меняет.

– Помолчите хоть минуту!

И рой мыслей мгновенно закружил в голове Филиппа:

«Мать сказала, что он теперь не единственный, о ком она будет заботиться, и он знает, кого она имела в виду. Действовать надо быстро. Времени совсем не осталось. Может, все-таки удастся получить отсрочку? Надо просто объяснить им, как он намерен действовать...»

– Думаю, я нашел выход, – все больше и больше воодушевляясь своим планом, сказал Филипп.

Спутник его равнодушно пожал плечами:

– Решаю не я.

– Ладно, поехали, только прошу, откройте пошире окно. Здесь невозможно дышать. Чем вы себя окатили?

– А что? Дорогая вещь, между прочим... – откликнулся водитель и нажал педаль акселератора.

Мощный внедорожник, взметнув в воздух облако серебристой пыли, рванул вперед. Быстро набрав скорость, он пронесся по гравийной дороге через аллею и скрылся за поворотом. Пыль, поднятая джипом, еще не успела осесть, как в ворота въехал старый черный «Ситроен».

Спустя несколько минут перед домом с пакетами в руках показался Шарль. По-хозяйски оглядывая самшитовую изгородь, давно требующую стрижки, он прошел в торец дома к боковой двери, ведущей прямо на кухню.

Вечерние сумерки окутали сад. Воздух наполнился влагой. Последние неяркие лучи закатного солнца, пробежав по оконным стеклам, вспыхнули и погасли.

Шарль разобрал сумки с продуктами и прошел в комнаты. В доме царил полумрак, но свет нигде не горел. Он заглянул в гостиную и окликнул графиню. Обычно в это время она читала. Вот и сейчас она сидела в своем кресле, за спинкой которого едва угадывался ее хрупкий силуэт. На столике рядом с ней стоял не тронутый бокал с виски. Кусочки льда в нем полностью растворились. На другом столе перед диваном стояли еще два бокала, оба были пусты.

«Кто-то заходил? Доктор? Мадам Гренадье? О, тогда немудрено, что Аньес заснула... – Шарль остановился в нерешительности, не стал включать свет. – Может, стоит ее разбудить, она не любит спать на закате...»

В этот момент до него долетел тихий, сдавленный стон. Рывком Сорделе преодолел гостиную и склонился над пожилой дамой.

– Аньес! Что случилось? Что с вами?

Неловко привалившись к подлокотнику, графиня полулежала в кресле, судорожно прижимая к сердцу руки. Пальцы с побелевшими костяшками стискивали ткань блузки так, словно околели и не могут разжаться. В глазах ее застыла боль. Пожилая дама увидела Шарля, и ее искаженное в гримасе лицо пришло в движение, губы пошевелились. До Шарля донесся сиплый, чуть слышный шепот:

– Я знала, я знала... ты успеешь, мой мальчик...

– Укол, я сделаю вам укол. Не волнуйтесь, сию минуту, только схожу за коробкой... – быстро заговорил Шарль и собрался бежать за лекарствами.

Они хранились на кухне, в нижнем ящике буфета. Доктор Базен велел их держать наготове – после прошлогоднего приступа Аньес стала жаловаться на сердце. Что ж, на девятом-то десятке... немудрено.

Но графиня жестом остановила его. Подавшись вперед, она с невероятным усилием оторвала правую руку от груди, показала куда-то вверх.

– Не ходи, не надо... – во взгляде ее была мольба.

Не привыкший с ней спорить, Шарль остановился в растерянности, не зная, что предпринять.

– Там, на чердаке, в чулане... сундук из Сан-Мало... под детскими вещами Филиппа... возьми, спаси, отвези малышу Денни, – с трудом договорила она, останавливаясь почти после каждого слова. В груди у нее что-то свистело и булькало.

– Да-да, разумеется, я все сделаю, не волнуйтесь, мам.. – он хотел сказать привычное «madame», но почему-то получилось «maman», он называл ее так в детстве, когда был еще совсем ребенком. – Только сначала я сделаю вам укол, а потом позвоню доктору Базену.

Через минуту Шарль вернулся, держа наготове шприц с лекарством. Склонившись над графиней, он взял ее за руку и уверенно принялся расстегивать манжет ее блузки. Рука Аньес была худой, морщинистой и... безжизненной. Сорделе понял, что опоздал.